Содержание

Введение 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОСТИЖЕНИЯ

Глава 1. Богатство 30
Глава 2. Успех 54
Глава 3. Образование 79
Завершающее слово о достижениях 105

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ОТНОШЕНИЯ

Глава 4. Брак 113
Глава 5. Моногамия 141
Глава 6. Дети 163
Завершающее слово об отношениях 189

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Глава 7. Альтруизм 197
Глава 8. Здоровье 222
Глава 9. Воля 250
Завершающее слово об ответственности 274

Заключение 277
Примечания 292

Введение

Существует бесчисленное количество рекомендаций, как нам следует жить. От нас хотят целеустремленности, ожидают, что мы найдем вечную любовь, надеются, что мы станем заботиться о своем здоровье. Самые распространенные социальные истории (их также называют социальными нарративами) действительно могут сделать нашу жизнь легче, поскольку они подсказывают, как себя вести в той или иной ситуации. Возможно, они даже способны сделать нас счастливее. Но надо помнить, что это лишь общепринятые мнения, причем нередко устаревшие, возникшие задолго до сегодняшнего дня. Многие из них в конечном итоге приносят больше вреда, чем пользы. Зачастую социальные истории превращаются в «нарративные ловушки», создающие миф об идеальной жизни.

Герой рабочего класса

Поскольку эта книга посвящена нарративам, давайте начнем с моего собственного опыта, с истории о ребенке из семьи рабочих, который стал университетским профессором. Этот профессор, как ожидается, должен был изменить свое поведение, чтобы соответствовать (вредному) нарративу о том, как положено вести себя персонам, принадлежащим к академическому кругу.

Пару лет назад я участвовал в интересной панельной дискуссии под названием «Эмоции против разума» на фестивале «Путь света к нам» (How The Light Gets In) в знаменитом «книжном городе» Хей-он-Уай в Уэльсе. Там, на пути в столовую, я повстречал человека лет пятидесяти с лишним. Наше общение началось на хорошей ноте. Он рассказал, как ему понравилась моя первая книга «Счастье по расчету»[1]. А затем он спросил: «Но зачем вы строите из себя героя рабочего класса?» Я попросил уточнить вопрос. «Вы делаете это в своей книге, и, обратите внимание, занимаетесь этим прямо сейчас», — ответил он. Я не мог взять в толк, что он имеет в виду, хотя и был одет как чернорабочий и вдобавок напевал песенку трубочиста из фильма «Мэри Поппинс».

Вообще-то обычно я согласен быть каким угодно персонажем, но в данном случае почувствовал себя просто дураком. А человек тем временем продолжал читать мне нотацию на тему, что «когда вы достигаете определенного уровня, вы *должны* изменить поведение». В частности, он сказал мне, что я не должен использовать нецензурные выражения. Надо признаться, что в течение часовой панельной дискуссии до того я дважды употребил грубое ругательство. Это преступление оказалось еще более отвратительным потому, что вместе со мной в обсуждении участвовали две женщины средних лет. Вы же понимаете, у женщин, этих хрупких существ, может случиться нервный срыв, когда они слышат обсценную лексику, пусть даже она придает речи выразительность.

Итак, почему же мне не следовало ругаться? Возможно, это свидетельство бедности словарного запаса и/или низкого интеллекта, хотя до сих пор такой связи обнаружено не было[2]. Однако есть данные о том, что студенты

внимательнее слушают того преподавателя, который ругается, — это позволяет ученикам самим выражать свое мнение более свободно[3]. Ругательства вредят, только если их используют для агрессии или оскорбления, а не для выражения восхищения и усиления речи, как это делаю я на работе. В моих обстоятельствах, как показывает практика, бранные слова скорее полезны. Так что утверждение, будто ругательства — это однозначно плохо, можно назвать долбаной хренью[4].

Человек, с которым я разговаривал на фестивале, настаивал на том, что я, будучи профессором Лондонской школы экономики и политических наук (LSE), должен подавать хороший пример тем, кто сидит передо мной на лекциях. Говоря о «хорошем примере», он подразумевал, что надо больше соответствовать образу классического университетского профессора. (Зайдите на сайт LSE или другого ведущего университета — размещенные там фотографии иллюстрируют, как должен выглядеть образцовый профессор.) Этот человек также взывал к социальному нарративу, взвалившему на меня бремя обязанности поступать согласно определенной традиции, которая предписана для моей профессии, свойственной представителям среднего класса. В LSE ко мне очень хорошо относятся, но ожидания, что я буду вести себя так, как требуют узкие рамки академических стереотипов, продолжают вызывать у меня ужас. Поэтому я осознанно борюсь с привычкой людей из академической среды воспринимать себя слишком серьезно.

Что очень важно — стереотипы такого рода удерживают детей из рабочих семей от поступления в университет, так как дают им почувствовать, что они должны будут подавлять свою натуру, дабы соответствовать новой обстановке. При этом в Великобритании и США достигли значительных

успехов в преодолении предвзятого отношения к студентам — выходцам из рабочих семей. В LSE, к слову, количество таких студентов возросло гораздо больше, чем в любом другом элитном университете Англии, что весьма похвально.

Однако те, кто уговаривает детей из рабочих семей получать высшее образование, должны учитывать, что многие из них в реальности не горят желанием учиться в элитных учебных заведениях, где им предстоит тесно контактировать с однокашниками, мыслящими совсем иначе. Многие выходцы из рабочих семей, особенно юноши, сопротивляются поступлению в университет, потому что там они вынуждены тусоваться среди сильно отличающихся от них сверстников из среднего класса. И преподавать им будут учителя — представители среднего класса, которые не в состоянии осознать «альтернативный» взгляд на жизнь выходца из рабочей семьи. Если даже ребенок «из простых» выживет в таком окружении, он рискует оказаться оторванным от своей привычной среды рабочих людей, где раньше чувствовал себя как рыба в воде.

По моему опыту, представители среднего класса пытаются дать возможность детям из простых семей получать высшее образование, руководствуясь самыми лучшими намерениями. Но при этом они предполагают, что в рабочих семьях разделяют жизненные устремления среднего класса. Однако на самом деле многие отпрыски рабочих отнюдь не стремятся поступить в вуз. У меня, например, такого желания никогда не было. Да, сейчас я — представитель среднего класса с соответствующей профессией, и мои дети, несомненно, тоже представители среднего класса. Но многие из моих друзей никогда и близко не подходили к университету. А я сам сохранил некоторые привычки и ценности рабочего класса. Я тренируюсь с бодибилдерами. В спортзале,

где тягают тяжести, пиджак и туфли-лоферы — такая же редкость, как гора лошадиного навоза. Я горжусь своим отличием от основной массы профессоров, но в то же время осознаю, что моя жизнь стала бы легче, если бы я полностью соответствовал ожиданиям академической среды (ну, или ожиданиям бодибилдеров).

Социальные нарративы предписывают человеку, что ему полагается хотеть, делать, думать, чувствовать. Стереотипы влияют на нас, желаем мы того или нет. Мы попадаем в «историю-ловушку», когда начинаем ожидать, что весь мир вокруг будет соответствовать навязанным обществом нарративам. Если меня называют «героем рабочего класса», я хочу, чтобы дети из рабочих семей увидели, что и они способны сделать неожиданную карьеру, оставаясь при этом собой, чтобы их натура не оказалась подавлена принуждением извне. Пытаясь понять, что же мешает нам добиться процветания, мы увеличиваем наши шансы взять под контроль те нарративы, которые так долго контролировали нас. Как только мы сознаем, что вот-вот попадем в ловушку, то начинаем думать, возможно ли изменить образ действий, и если да, то как именно[5]. Мы можем даже, тьфу-тьфу не сглазить, увеличить в конечном итоге число профессоров-бодибилдеров.

О чем эта история?

Меня интересуют такие нарративы, такие социальные повествования, которые объясняют, каким способом мы *должны* проживать свою жизнь. Это то, что отличает мою книгу от написанных на данную тему ранее. Опубликованное ранее сфокусировано на персональных историях, помогающих

людям понять превратности их собственной жизни и сформировать индивидуальность. Однако я исследую нарративы, привнесенные извне. Другие люди говорят вам, что надо делать, и вы доверяете их указаниям, хотя чужие советы могут не иметь за собой ни личного опыта, ни положительных результатов.

С точки зрения психолога, социальные нарративы сродни установленным «социальным нормам». Не существует общепринятого определения подобных норм, но обычно они состоят из трех элементов: поведенческих закономерностей, чувства долженствования и санкций за отклонения от первых двух пунктов[6]. Таким образом, социальные нормы превратились в ограничительные правила поведения, которым, как ожидается, люди будут следовать. Например, «если вы профессор LSE, то вы не используете обсценную лексику». А коль скоро мы не соответствуем образу, которого от нас ждут, то к нам могут быть применены различные формы социального наказания, пусть и незначительные, например словесный упрек.

С точки зрения экономиста, отправная точка для понимания любого типа поведения — это изучение предпочтений в отношении определенных видов товаров, услуг, событий, стран мира. Иногда различают выявленные предпочтения (то, что человек делает) и метапредпочтения (то, что человек хотел бы делать). Например, вы, может быть, не прочли за всю жизнь ни одной художественной книги, но хотели бы быть тем, кто читает художественную литературу. Кроме того, различают индивидуальные и социальные предпочтения. Первые мотивированы исключительно заботой индивидуума о своем благе. Вторые учитывают и то, как наше поведение скажется на окружающих. Мое определение социального нарратива может быть истолковано

как «метасоциальные предпочтения», то есть такой нарратив показывает, как всем нам стоило бы вести себя.

Я выделил три масштабные категории социальных историй — метанарративы — и назвал их «достижения», «отношения» и «ответственность». Все субнарративы, то есть социальные истории второго порядка, можно включить в эти три главные категории. Каждой из категорий посвящена отдельная часть книги. В первой части я обсуждаю цели, которых мы неуклонно стремимся добиться. Ожидается, что мы хотим богатства, успеха и хорошего образования. Во второй части я рассматриваю те социальные истории, которые касаются самых личных взаимоотношений: брак, моногамия, дети. В третьей части изучается, чего ждут от нас другие: альтруизм, забота о здоровье, поступки, совершаемые согласно своей собственной воле.

Социальные нарративы неоднократно менялись с течением времени. Они оформлялись под влиянием властных структур, культурной среды, законов, семьи, средств массовой информации, исторических событий и даже эволюции. В значительной степени социальные повествования также соответствуют недавно разработанной систематике врожденных побуждений человека, которая отталкивается от социальной психологии. Предполагается, что мы движимы главным образом «первичным», а не приобретенным на протяжении жизни стремлением получить награду[7]. Основные мотивы здесь следующие: *накопление* — чтобы собирать ресурсы (богатство); *самосовершенствование* — чтобы выглядеть достойным (успех); *понимание* — чтобы делиться мнениями и прогнозами (образование); *принадлежность и любовь* — чтобы быть тесно связанным с другим человеком (брак и моногамия); *воспитание* — чтобы заботиться о потомстве (дети); *доверие* — чтобы считать

окружающих по большей части добропорядочными (альтруизм); *комфорт* — чтобы поддерживать тело в оптимальной физической форме (здоровье); и, наконец, *контроль* — чтобы адекватно реагировать на случайности, возникающие в процессе достижения результата (воля). Все это придает социальным нарративам универсальность и позволяет их применять в различных культурах.

Социальные нарративы, наряду с удовлетворением некоторых наших врожденных стремлений, также создают правила мышления и действий, которые помогают легче ориентироваться в сложном современном мире и лучше понимать его. Воспринимая такие истории как образцы для подражания, мы получаем четкий маршрут следования по жизни. Причем мы не только хотим идти по этому пути сами, но и бурно негодуем на тех, кто не желает им пользоваться. Сегодня существует целый ряд исследований работы человеческого мозга, которые показывают, что мы испытываем удовольствие, когда можем наказать тех, кто не соответствует нашим ожиданиям[8]. И мы даже готовы заплатить (в буквальном смысле, наличными), чтобы наказать людей, которые, как нам кажется, нарушают социальные договоренности.

Власть и повествование

Похоже, что встреченный мной на фестивале в Хей-он-Уай человек очень хотел поддержать существующую социальную иерархию. Тех, кто имеет высокую степень «ориентации на социальное доминирование», возмущает, когда другие выходят за отведенные рамки[9]. При помощи теории социального доминирования социальные психологи определяют,

насколько индивид согласен с социальной иерархией. Вот пример их заявления: «Некоторые группы людей просто уступают другим группам». Те, у кого сильно выражена ориентация на социальное доминирование, более склонны соглашаться с другими. Они же не любят тех, кто находится в невыигрышном положении. Также подобные люди стремятся занимать должности, которые дают им возможность применить на практике свою склонность к дискриминации, — например, служить в полиции. Нарративы типа «профессора должны поступать согласно их профессиональным нормам» помогают сохранять подобную иерархию.

Понятие социального класса зачастую используется, чтобы установить ваше место в иерархии. Социальные классы выделяют исходя из экономического и социального статуса. Чаще всего статус определяют по роду занятий, но иногда также по доходу и образованию, ведь эти социальные характеристики связаны между собой (все перечисленное — элементы повествования о достижениях). В Великобритании рабочие профессии являются менее квалифицированными, менее престижными и менее оплачиваемыми по сравнению с профессиями среднего класса. В США выражения «синий воротничок» и «белый воротничок» применяются, чтобы показать разницу между ручным трудом и офисной работой. По сути, чем «лучше» работа, тем выше социальный класс.

Я понимаю, что это очень простое определение понятия «класс» и что в других странах могут существовать иные формулировки[10]. Но данное определение уместно здесь потому, что анализ классов принуждает нас противопоставлять тех, кто имеет власть, и тех, кто подчиняется. Социальные повествования нужны для сохранения существующей социальной иерархии. Было бы упущением

не рассмотреть в книге о социальных историях наиболее значимое проявление иерархии — разделение людей по классам. Некоторые нарративы, похоже, становятся самыми главными потому, что они порождены властью, подкреплены ею и приносят несоразмерно большую выгоду тем, кто обладает влиянием.

Восприятие власти тоже имеет значение. В Великобритании 60% людей относят себя к рабочему классу, несмотря на то что рутинным и ручным трудом занято вдвое меньше[11]. С 1980-х годов наблюдается неуклонный спад числа домохозяйств, принадлежащих представителям рабочего класса в широком смысле этого понятия, тогда как количество людей, причисляющих себя к данной прослойке общества, остается примерно одинаковым. В США же число тех, кто называет себя рабочим классом, возросло. Согласно исследованию, проведенному в 2015 году американским Институтом Гэллапа, примерно половина американцев идентифицируют себя как представителей рабочего класса, тогда как в 2003 году таких была лишь треть. Данные по Великобритании и США указывают, что, хотя условия для находящихся на нижних ступенях социальной лестницы стали, как кажется, лучше, на самом деле это не так.

В дальнейшем я буду использовать термин «рабочий класс» для обозначения тех, кто имеет, по общему мнению, относительно мало власти, а термин «средний класс» — для тех, кто, согласно опять же общепринятым убеждениям, располагает относительно большим влиянием. Если у разных групп людей отличается восприятие ценностей, то социальные повествования будут теснее связаны с теми, кто обладает властью. Истории о том, как жить, будут в большей степени соответствовать установкам среднего класса, а от тех, кто карабкается вверх по социальной лестнице,

ожидается, что они примут ценности тех, кто уже приобрел власть. Если же они этого не сделают, то их осудят.

В обсуждениях, посвященных равенству и дискриминации, заметно, что понятие класса менее значимо, чем понятие пола, расы, инвалидности или сексуальности, — ведь все эти характеристики защищены в Великобритании Законом о равенстве от 2010 года, который говорит, что дискриминация кого-либо по вышеперечисленным признакам запрещена. Но это не касается понятия класса. Ничто не помешает компании отказать идеально подходящему для работы соискателю только потому, что он «на неправильной стороне». Такая же ситуация и в США: защита пола, расы и так далее существует, а защита от классовой дискриминации — нет.

Кроме того, в отличие от других дискриминируемых групп, среди членов рабочего класса очень мало тех, кто отстаивает его ценности и образ жизни в обществе. Мы не можем полагаться на успешных представителей этой прослойки, потому что они очень часто скрываются под маской людей среднего класса, просто чтобы выжить. Во многих областях для представителей рабочего класса вообще нет ролевых моделей, с которых можно взять пример. И более того, многие из достигших успеха представителей рабочего класса отделяют себя, географически и психологически, от среды, в которой выросли. Успешные женщины и темнокожие мужчины не обязательно озабочены вопросами пола и расы, но они не в состоянии дистанцировать себя от других женщин и темнокожих мужчин, потому что тот факт, что они женщины или темнокожие мужчины, не спрячешь, тогда как принадлежность к социальному классу вполне можно скрыть.

Не приемля профессиональных стереотипов и находясь между социальными классами, я предвижу все проблемы

и суровое осуждение, которые влечет за собой восстание против устоявшейся системы. Такой бунт может вызвать на начальном этапе трудности и сомнения, даже если в долгосрочной перспективе личные и социальные страдания должны минимизироваться. Но понимание нарратива и способов, какими он может помочь и навредить нам, — это первый шаг на пути к тому, чтобы сделать выбор, который поможет нам лучше соответствовать своей сущности. Будьте настороже, отслеживайте, когда нарративы могут навредить или помочь, и будьте терпимее к тем, кто не отвечает предъявляемым требованиям. Такая терпимость в долгосрочной перспективе — безусловное благо для нас всех.

Основное внимание в книге уделяется влиянию нарратива на счастье отдельного человека — ваше индивидуальное счастье, но я призываю вас не закрывать глаза на то, как он сказывается на окружающих. У каждого из нас есть свои «шляпы мышления» согласно системе Эдварда де Боно. Когда мы играем роль партнера, друга, родителя, начальника или политика, мы редко принимаем решения, которые отражаются только на нашем собственном счастье. Каким бы ни было наше место в социальной иерархии, помогать людям и воздерживаться от осуждения принимаемых ими решений — это хорошая практика. Также вы можете меньше беспокоиться о том, что думают о вашей жизни другие, и, возможно, они действительно станут меньше вас осуждать.

Какой от этого вред?

Я считаю, что влияние любого социального нарратива должно оцениваться по тому, какие чувства он заставляет испытывать. Быть успешным — это замечательно звучит,

но на деле может оказаться далеко не столь замечательным. А если это не столь хорошо, оно и не должно звучать и восприниматься как нечто безусловно хорошее. Каждый из нас должен обращать внимание на реалии собственного опыта, потому что наличие прекрасной в теории работы не компенсирует того, что в действительности вы несчастны. В стремлении быть счастливыми и не причинять вреда другим нам надо исходить из своего опыта (который изменяется со временем), а не ориентироваться на ярлыки (отец, профессор, бодибилдер и так далее), загоняющие нас в жесткие рамки.

Для того чтобы определить, насколько полезны те или иные действия или обстоятельства, необходимы стандарты. Я полагаю, что множество социальных повествований, обсуждаемых в этой книге, должно заменить одно главное и всеобъемлющее — реальный опыт реальных людей, проживающих свою жизнь. Такой подход должен иметь преимущество перед массой историй, которые приносят очень мало пользы. Основываясь на реальном людском опыте, мы избежим соблазна загнать всех в рамки одного нарратива по типу одежды «универсального размера», подходящей всем без исключения.

Возможно, если бы не давление общества, вы с вашим партнером могли бы быть счастливее, договорившись, что не будете придерживаться моногамных отношений. Вы также могли бы предпочесть одиночество или выбрать целибат. А может, вы решили бы, что брак, моногамия и дети — это именно то, что вам надо. Мне абсолютно все равно, как вы живете, пока вы счастливы сами и не делаете людей вокруг несчастными без необходимости. Фокусировка на реальном опыте, а не нарративе позволяет существовать рядом многим способам проживать жизнь, включая

(но не ограничиваясь ими) и те, что берут за основу как раз нарратив. И хотя многие мои аргументы не имеют конкретной национальной привязки, я буду обращаться к опыту граждан Великобритании и США.

Я стану писать о том, как люди себя чувствуют, в тех случаях, когда буду располагать соответствующими данными. Но такой информации мало, поэтому иногда я вынужден буду опираться на гораздо более доступные исследования, посвященные удовлетворенности жизнью. Однако я сам отношусь к подобным исследованиям критически, потому что степень моей удовлетворенности жизнью зависит от того, что ждет от меня общество: например, есть ли у меня работа, хорошая ли это работа и так далее[12]. Это означает, что, если мы найдем в результатах исследований доводы в пользу общепринятых стереотипов, касающихся удовлетворенности жизнью, мы не сможем быть уверены, что эти исследования соотносятся с реальным счастьем. Но если окажется, что исследования относительно удовлетворенности жизнью не поддерживают социальный нарратив (например, обнаружится, что замужние женщины удовлетворены жизнью не больше одиноких), то, скорее всего, тут точно есть конфликт между нарративом и реальным счастьем. Особенно если все было сделано как полагается, а счастье так и не наступило.

В большинстве случаев имеющиеся данные не позволяют мне сказать с какой-либо степенью уверенности, как выглядел бы мир, не будь в нем социальных историй. И если выяснится, что счастье и брак, скажем, взаимосвязаны, то мы весьма редко знаем, по какой причине. Обосновано ли это каким-то фактором, о котором у нас нет информации, например особенностями личности? Но моя задача в данном случае — начать диалог на предмет того, что могут дать нам

результаты исследований, нежели предоставить определенный ответ. Кроме того, если бы решения в жизни принимались только на основании стопроцентных доказательств, сделать удалось бы немного.

Книга «Счастливы когда-нибудь» фокусирует внимание на случаях, когда социальные нарративы вредят нам. Я считаю, что, принимая решения, которые будут влиять на других людей, надо стремиться к минимизации их страданий. Такой подход часто называют утилитарным, и он направлен на достижение «наибольшего счастья для наибольшего количества людей»[13]. Для целей данной книги я видоизменил приведенную формулировку английского философа Иеремии Бентама следующим образом: «наименьшее страдание для наименьшего количества людей». Такой подход получил название «негативный утилитаризм»[14]. Это позволяет мне придавать наибольшее значение задаче уменьшения страданий. Ведь, скажем, облегчение страданий на £100 будет очень существенным благом для наименее обеспеченных лиц. Мы также можем облегчить страдания путем снижения неравенства, если люди считают его несправедливым. (Большинство из нас считают несправедливым, что генеральный директор компании зарабатывает в несколько раз больше санитара в больнице, но на самом деле он зарабатывает в несколько сотен раз больше, и вот это действительно несправедливо.)

В принципе, в социальном нарративе как таковом нет ничего хорошего или плохого — о нем можно судить лишь в контексте, по затратам и выгоде. Поэтому я занимаю консеквенциальную позицию в противовес деонтологической[15]. Консеквенциальный взгляд на кражу состоит в том, что она плоха лишь тогда, когда приносит больше горя, чем счастья. А согласно деонтологической

точке зрения воровство — это всегда плохо, потому что моральная ценность заключается в определенных правилах поведения. Деонтологическая перспектива обычно не учитывает важности контекста. Но я утверждаю, что кража с целью накормить своего голодного ребенка морально оправданна.

В наивысшей форме консеквенциализма равное страдание каждого индивидуума весит одинаково[16]. Это означает, что я должен одинаково относиться к моим собственным страданиям, страданиям моей семьи и друзей и к страданиям посторонних людей. Но такая форма консеквенциализма вступает в противоречие со здравым смыслом и, возможно, с эволюционными преимуществами. Мне кажется морально оправданным, что страдания моей семьи должны волновать меня больше, чем вашей, точно так же как вас больше должны волновать страдания именно ваших близких. Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью выработать правила, чтобы определить, какие решения и последствия относительны (допускают пристрастность), а какие требуют полной беспристрастности.

От меня как от отца ожидается, что я буду отдавать предпочтение своим детям перед вашими. Я могу купить своей дочери пару лучших туфель для боулдеринга или своему сыну — дорогую ракетку для сквоша, чтобы они с большей вероятностью преуспели в выбранных ими видах спорта. Ваши дети могут быть разочарованы моими поступками, но я не почувствую необходимости покупать им все то же самое. Но если я тренер по боулдерингу или команды по сквошу и получил пожертвования на новый комплект снаряжения, то что тогда? Будет несправедливо отдать комплект снаряжения моим детям за счет ваших. Тот факт, что в одном случае деньги мои,

а в другом — нет, конечно, создает разницу, но важна и моя позиция как пристрастного родителя или же беспристрастного тренера.

Хотя контекст всегда играет основную роль, но дополнительное значение, которое я придаю своим детям, должно быть таким же, как то, которое вы придаете вашим. Поэтому я принимаю консеквенциальную точку зрения, позволяющую быть пристрастным, но в то же время требующую симметрии (одинакового дополнительного значения для моих и ваших детей). Пристрастность, несомненно, делает мою жизнь несколько сложнее, если учитывать общее влияние различных нарративов на процветание людей. Однако я намерен решать все связанные с этим проблемы, когда возникнет такая необходимость.

Двигаемся дальше

При выявлении нарративных ловушек я сосредотачиваюсь на историях, которые продолжают соответствовать здравому смыслу с точки зрения сторонника деонтологической позиции, но явно противоречат здравому смыслу с точки зрения консеквенциалиста. При этом я время от времени буду просить вас поразмыслить над тем, является ли истиной то, во что вы верите. Когда дело доходит до оценки доказательств, мы любим думать о себе как о справедливых, беспристрастных судьях, которые тщательно взвешивают аргументы и формируют свое мнение или убеждение в бесстрастном ключе. В реальности, однако, мы зачастую просто ищем в доказательствах то, что подтвердит уже имеющиеся у нас убеждения. Когда доказательства поддерживают наши убеждения, мы гордимся своей правотой. Ну а если

доказательства опровергают то, в чем мы убеждены? В таком случае мы хитроумно ищем способы повернуть доказательства таким образом, чтобы мы могли продолжать верить в то, во что верили ранее. И в конце концов получается так, что мы проникаемся еще более глубокой верой в свои убеждения.

Это называется предвзятостью[17]. Эксперты по дактилоскопии чаще приходят к выводу, что папиллярные узоры совпадают с отпечатками подозреваемого, если им говорят, что тот признался в преступлении, нежели в случаях, когда они не знают о факте признания, хотя доказательства одинаковы в обоих случаях. Написание этой книги позволило мне осознать нюансы нарративов, и некоторые из доказательств не подтвердили то, что я считал правдой. Я, например, предполагал, что учеба в университете способствует счастью и выгодна широким слоям общества. Однако доказательства это опровергли. Я не думал, что развод полезен для детей, но оказалось, что во многих случаях это лучше, чем если бы их родители продолжали жить вместе.

Если, читая эту книгу, вы еще сильнее утвердились в своих взглядах на социальный нарратив, то подумайте, почему так произошло? Возможно, вы действительно испытали счастье, в полном согласии с нарративом, или знаете тех, кому он помог. Или, может быть, вы опасаетесь альтернативы, потому что она более сложная, более неведомая или даже более захватывающая. Давно установлено, что мужчины-гомофобы сильнее возбуждаются от гомосексуальных отношений, чем те, кто не испытывает такой фобии[18]. Я полагаю, что осознать свое поведение и переживания сложно даже тем, кто четко идентифицирует себя с определенной ориентацией. И я искренне хочу инициировать обсуждение этих нарративов, а не просто продемонстрировать

новый набор правил, которые надо соблюдать и которым нужно непременно соответствовать.

На мой взгляд, прежде чем двигаться вперед, будет интересно выяснить, насколько вы вообще верите в социальные истории. Поэтому в начале каждой главы я попрошу вас выбрать один из двух вариантов жизни — следовать нарративу или быть счастливыми. Я понимаю, что нарратив тоже может сделать вас счастливее, но приводимые гипотетические примеры позволят вам увидеть, как много нарративы значат для вас, даже если из-за них вы несчастны. И поскольку часть книги сфокусирована на решениях, которые мы принимаем в интересах других людей, мне бы еще хотелось, чтобы вы подумали, какую жизнь вы бы выбрали для ваших друзей. Нет правильных или неверных ответов, и они не имеют какой-либо связи с тем, что будет написано в книге дальше. Но вы можете записать ответы и даже пересмотреть их с разных точек зрения. В конце каждой части я буду приводить данные о том, как ответили на эти вопросы другие люди, и вы получите возможность сравнить свое мнение с мнением окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru